

ФИЛОСОФИЯ: ИНСТРУКЦИЯ ПО ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ

Е.РОМЕК*

Первым, кто рекомендовал философию в качестве лекарства от душевных мук, был, насколько нам известно, Эпикур. Философию, не способствующую душевному здоровью людей, он называл никчемной. Счастливая жизнь не только возможна для отдельного человека, уверял Эпикур своих учеников, но и подконтрольна ему, может быть достигнута им самостоятельно, независимо от того, что происходит в жестоком и суетном мире. Однако, в отличие от сиюминутного удовольствия, счастье требует усилий – прежде всего, занятий философией. Кто считает себя слишком молодым или слишком старым для занятий философией, наставлял он юного Менекея, тот считает себя таковым также для счастливой жизни.

От тенистого Сада на окраине Афин, в котором Эпикур вел неспешные беседы с друзьями о счастье, философии и судьбе человека, нас отделяют тысячелетия. За это время высказанные там суждения подверглись самым разным толкованиям и оценкам. Менялись эпохи, нравы, представления о счастье и, конечно же, философия. Тем не менее, идея о ее терапевтическом значении в Лету не канула. Устояла под натиском эмпиризма, позитивизма и прагматизма. Выдержала *pecking orde*** постмодернистской деконструкции и, подобно завоеванной римлянами греческой культуре, «пленила своих победителей». Значение этой идеи в наши дни ни в коей мере не исчерпывается историко-архивным аспектом. Напротив, в конце второго тысячелетия она впервые обрела *прикладное применение* – в *психотерапии*. Ярким свидетельством тому являются статьи известного американского психотерапевта А.Блатнера, помещенные в этом номере.

Анализ источников психических расстройств приводит д-ра Блатнера к убеждению, что его пациентам жизненно необходима «работающая»

* Ромек Елена – Ростовский государственный университет, доктор философских наук. Занимается исследованиями в области истории и теории психотерапии. Автор более 50 научных работ. За последнюю книгу – «Тренинг наслаждения» (СПб, 2003), в соавторстве с В.Ромеком, была удостоена звания лауреата Национального психологического конкурса «Золотая психея».

** «Порядок клевания» (англ.) – «порядок», определяющий в мире птиц, кто кого клюет, а кто позволяет себя клевать.

философия, которую они могли бы «практически применять в своей повседневной жизни». Вывод, достойный античного философа. Но ведь сейчас не античные времена... Рассуждения Эпикура и других древних авторов вписаны в контекст традиции классического образования (*пайдейя*), социокультурных практик «образа жизни», философских школ и союзов, наконец, вполне определенных философских воззрений. Все это придает им ясность, содержательность и убедительность.

А какую философию предлагает своим пациентам д-р Блатнер? Как она «работает» в психотерапии, т.е. каким образом она помогает преодолевать психические расстройства? Принимая во внимание почтенный возраст «матери всех наук», а также тот факт, что на протяжении всей своей истории она была «ареной борьбы мнений» (Кант), эти вопросы не кажутся излишними. В самом деле, мало рекомендовать пациенту принимать *эффективные таблетки*, нужно уточнить, *какие именно*. Иные таблетки ведь могут и ухудшить его состояние. Есть и такие, которые, снимая видимые проявления болезни, консервируют ее основу и тем превращают пациента в раба химических препаратов: хочешь жить – покупай таблетки. Точный рецепт – это залог ответственности.

Д-р Блатнер предлагает два рецепта *философотерапии*. По способу действия, характеру возможных осложнений, прогнозируемому эффекту, они не только различны, но противоположны, даже антагонистичны. Первый из них изложен в отрывке «*К вопросу о полезности философии развития*». Ссылаясь на собственный врачебный опыт, А.Блатнер утверждает, что коварнейшим источником душевных расстройств в наши дни является отчуждение человека от Основы Бытия. Заинтригованный и немного напуганный этим заявлением читатель вскоре узнает, что речь идет о поверхностной религиозности современного человека, отсутствии у него единого мировоззрения, размытости – в силу «мультикультурности» – чувства принадлежности, а также его неспособности удовлетворительно ответить на вопрос: «Что мне делать, чтобы прожить жизнь осмысленно?» Словом, дело в сумятице, царящей в нашем сознании и самосознании. Всею виной – «беспорядок в головах».

Поначалу читатель безоговорочно соглашается с уважаемым доктором: аргументы его привычны, описанные им симптомы ему, читателю (научных статей и журналов, их публикующих), безусловно, присущи. Однако после некоторого *раздумья* его начинают одолевать сомнения. То вдруг придет ему на ум, что «беспорядок в головах» иначе называется *свободой совести и воли* и является общепризнанным в наши дни правом человека, утверждение которого оплачено страданиями и жизнями миллионов людей. То вспомнит толпы, истребляющие в экстазе сопричастности все, что не сопричастно им, мятежные толпы, слепо исполняющие волю тех, кто

воплощает их «чувство принадлежности». То мелькнет в его сознании грустная улыбка Бродского, гражданина мира и частного человека, принадлежавшего всем и никому. И эта поэтическая тема увлечет нашего читателя настолько, что вспомнит он также принца Гамлета, жившего, равно как его литературный отец, задолго до эпохи безбожия и «мультикультурности» и, несмотря на это, не знавшего не только, «что ему делать, чтобы прожить жизнь осмысленно», но и

«... Достойно ли
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться...»

(7, с.219).

От подобных сомнений, равно как и от «беспорядка в головах» в целом, д-р Блатнер рекомендует «работающую» философию. Суть этой последней можно выразить так. Одиночество и изолированность человека иллюзорны. На самом деле каждый из нас причастен Богу как имманентно присущей Вселенной творческой силе. Мы связаны с Ним органической связью. Все, что происходит с нами, включено в план Божественного провидения и поэтому имеет смысл. Даже если мы его не видим. Ведь целое предшествует отдельным частям. Маленькой клетке невдомек, какую важную функцию она выполняет в жизненном цикле организма.

Боль, страдания и смерть допускаются Богом не потому, что ему нет до нас дела, а потому, что деяния Его подчинены закону творческого развития. Но разве сопричастность и личностно-психологическая связь с Ним не возмещают неудобств? Не нужно ждать от Бога решения своих проблем. Следует проявлять собственную инициативу. Творчество поощряется, если оно на благо целого, разумеется. Ведь творчество – это не просто «счастливая умственная способность», но «основополагающая метафизическая категория».

Таков состав лекарственного средства. А теперь – *способ действия*. Чувства одиночества, изолированности, заброшенности преодолеваются тем, что человек сливает свое Я с внешней могущественной (творческой) силой, которая придает смысл его поступкам и страданиям, восполняет его бессилие, устраняет его сомнения. Все, что случается с ним, отныне имеет ценность в свете его сопричастности этой силе. Получилась почти цитата из знаменитой книги Э.Фромма «Бегство от свободы» (Фромм, 1990, с.124-153). Там, правда, подобная стратегия квалифицируется как механизм «бегства от свободы», выступающий психологической основой не только невротического поведения отдельного человека, но и существования авторитарных политических систем...

С психотерапевтической точки зрения, изъян предложенного д-ром Блатнером лекарства заключается в том, что с его помощью мучительные сомнения и чувства не разрешаются в результате осознания и проработки порождающих их жизненных противоречий, а загоняются вглубь, подавляются. «Болезнь» получает лишь новую форму выражения, а страдающий ею человек окончательно теряет контроль над собственной жизнью, попадая в абсолютную зависимость от «Основы Бытия». Его успехи не являются больше его личными достижениями. Его творческие акты превращаются в модусы «Непрерывного Творческого Процесса». Даже его научные открытия – это не открытия в собственном смысле, а шаги на Пути Постижения Божественного Замысла, подходящие друг к другу фрагменты гигантского *puzzle*, собрать который целиком ему не суждено. Его страдания неизбежны, потому что имеют высший смысл. Причем вне сопричастности «Основе Бытия» этот иррациональный, принятый на веру смысл исчезает. Хочешь смысла – верь. Хочешь душевного покоя – смирись.

Итак, «смиряться под ударами судьбы...». Это – выход, кто же будет спорить. Но причем тут философия? Самое точное название для своего «лекарства» подобрал сам д-р Блатнер – *мифо-теология*. Хорошо сказано. Единственное, с чем нельзя согласиться, так это с атрибутом «новая». Новой эта «философия» является ничуть не больше, чем гончарный круг или бубен шамана. Представление о том, что мир порожден сверхъестественной субстанцией (Богом), определяющей *raison d'être* каждой твари в рамках развивающегося целого (организма), весьма древне. «Поистине, от чего рождаются эти существа, чем живут рожденные, во что они входят, умирая, то и есть Брахман», – говорится в индийских Упанишадах (цит. по: Чанышев, 1982, с.133). Китайцы именовали «Основу Бытия» – Дао. Греки называли ее Судьбой-Мойрой и спрашивали об ее планах на собственную жизнь у Дельфийского Оракула – не для того, чтобы что-либо изменить, а для того, чтобы смириться. Участь тех, кто смиряться отказывался, широко известна из мифа о царе Эдипе. В средневековой теологии мы встречаем это представление в концепции божественного провидения Августина Блаженного, учении о потенции и акте Фомы Аквинского, в апофатической диалектике Ареопагитик, доказательствах вечности мироздания суфиев, доктрине сотворенности мира Аль-Фараби, пантеизме Николая Кузанского и Джордано Бруно и т.д.

Прототипом телеологического объяснения выступает органическая природа, жизненный цикл развития, а его основанием – социальная ситуация, в которой осмысленная целеполагающая деятельность (управление) отделена от физического труда (исполнения) и

«оплодотворяет» его извне, причем функции управления и исполнения закреплены за разными людьми.

Последнее обстоятельство объясняет, почему идея «принадлежности», как и телеологическая конструкция в целом, никогда не существовала исключительно в царстве «чистой мысли», духа или «духовности». Во всех формах выражения она служила средством обоснования определенного социального порядка и, в частности, – отношений господства-подчинения. Именно этим обусловлено ее закрепление в философии и богословии.

«*Gnothi se auton*»^{*} – учили семь мудрецов. «Знай самого себя», *знай свое место* – вот, что это значило в древности. «Государь должен быть государем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном», – разъясняет Конфуций (*Конфуций*, 1998, с.112). Все должны выполнять свое предназначение и обязанности. Государь должен управлять государством, отец – семьей, остальные должны подчиняться. Этот порядок и есть Дао – Основа бытия каждой вещи и всей Вселенной. Быть причастным Дао, значит – знать свое место в социальной иерархии, безропотно переносить лишения и верить в то, что в этом и состоит смысл твоего существования.

Аристотель впервые выразил представление о высшей целесообразности всего сущего в понятийном виде. Но и у него это представление лишь обобщает и узаконивает социальный порядок античного полиса. Первичным по природе, пишет Аристотель в «Политике», является государство: ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Целостность государства и определяет «природу» элементов, из которых оно состоит.

«Все те, кто в такой сильной степени отличается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает» (Аристотель, 1983).

Поскольку политический порядок, в силу которого раб принадлежит господину, соответствует самой природе вещей, он не может быть изменен – так же, как и фатум царя Эдипа. Социальный статус индивида – это его судьба, а судьба требует покорности. Окончательное закрепление отношений господства-подчинения получило в учении Аристотеля о божественной Первоформе, творящей мир по своему образу и подобию и потому выступающей источником целесообразности всего сущего. Это

^{*} Это изречение часто приписывают Сократу и трактуют по-декартовски: «Познай самого себя» – свой внутренний мир, свою личность, свое Я. К этому призывает Декарт, но не Сократ и, тем более, не семь мудрецов. «Я», открытое Картезием, им было неизвестно. «Личности» в античном мире просто не существовало. В гомеровские времена человек и в собственном сознании, и в восприятии окружающих совпадал с родом, кастой, сословием, к которым он принадлежал от рождения. В классическую эпоху он – либо гражданин, либо раб или варвар, что, как мы знаем из «Политики» Аристотеля, в сущности одно и то же.

учение было положено в основу богословской концепции креационизма, согласно которой Бог создал* мир иерархичным и каждой твари предуготовил в нем определенное место и роль. Пытаться изменить свое место – намерение не только преступное, но и греховное, т.е. наказуемое также на *том* свете. В Граде земном страдания неизбежны – ими искупается первородный грех, который – помните? – состоял в *неподчинении*, в желании знать, а не верить**.

Итак, даже краткий экскурс в социальную историю учения о целесообразности всего сущего обнаруживает, что «мифо-теология» д-ра Блатнера ни в коей мере не является новой, а ее связь с авторитаризмом (отмеченная нами вслед за Э.Фроммом) – случайной. Тяга людей, которых природа, наделив разумом, «уже давно освободила от чужого руководства» (Кант, 1966, с.27), к подчинению коренится не в архетипах коллективного бессознательного и не в сущности человека, а в многовековой социальной практике закрепления и обоснования отношений господства-подчинения, включающей в себя культивирование чувства сопричастности и этики смирения.

Но вернемся практическому использованию «философии развития». Кому, собственно, она предназначена? Людям, обуреваемым сомнениями Гамлета, страстями Фауста, отчаянием Степного волка Гарри? Им она помочь не в силах. Утешение сопричастностью Основе Бытия, «наивная вера» (Вл.Соловьев) в предустановленную гармонию, готовые определения смысла жизни не могут утолить их боль. Эти люди хотят понимать, а не верить. Лишь *собственная способность* разрешить мучительные противоречия, найти ответы, одолеть трудности может вернуть им уверенность – в себе и в окружающем мире. Но эта уверенность иного рода, чем та, которую предлагает им «философия развития». Что же касается людей, нуждающихся в «культурных мифах, отвечающих на мировоззренческие вопросы о принадлежности человека и его судьбе», то в их распоряжении по меньшей мере несколько десятков религий, среди которых пять – мировых. Вряд ли «новая мифо-теология» д-ра Блатнера способна конкурировать с ними. Ей и не следует стремиться к этому, если, конечно, она претендует на *психотерапевтическое* применение. Ведь религия и психотерапия – разные сферы деятельности, и цели у них разные.

Цель, а точнее, социальная функция психотерапии заключается в выработке *социокультурных практик*, помогающих каждому человеку

* В мистически-пантеистическом варианте этой доктрины Бог творит мир постоянно, присутствуя во всех вещах в качестве имманентно присущей им творческой силы. Именно в таком варианте воспроизводит доктрину креационизма А.Блатнер.

** «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло, и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выссал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Быт.: 3, 22-23).

разрешать противоречия «неорганической жизни», т.е. преодолевать трудности и препятствия во взаимодействии с другими людьми. Противоречия такого рода возникают в нашей жизни постоянно, и с большинством из них мы справляемся самостоятельно. Но порой в силу тех или иных обстоятельств* случается сбой. Тогда противоречие становится источником разного рода расстройств – от известных каждому «экзистенциальных кризисов» до тяжелых нарушений поведения. В таких случаях возникает потребность в помощи. Психотерапия оказывает ее тем, что посредством разнообразных социокультурных практик формирует у человека способность ауторегуляции поведения, способность разрешать конфликты в отношениях с окружающими, действовать сообразно ситуации, изменять условия и обстоятельства собственной жизни, а не быть ее рабом. Говоря языком европейской гуманистической традиции, психотерапия содействует развитию такой человеческой способности, как *свобода воли*.

И в этом деле философия, действительно, может оказать ей существенную и незаменимую помощь. Ведь философия – это школа мысли. Она учит пользоваться собственным разумом и тем освобождает от «чужого руководства». Мыслить – значит, прежде всего, уметь разрешать противоречия. Поэтому развитая способность мышления позволяет человеку находить выход в самых сложных ситуациях, преодолевать преграды, быть гибким, отстаивать то, во что он верит, признавать свои ошибки, творить, совершать открытия, отказываться от собственных предрассудков, добиваться и побеждать – словом, делает его свободным.

Впрочем, д-р Блатнер замечательно описал исцеляющие потенции и «терапевтический механизм» философии в своем втором рецепте, изложенном в статье «Постмодернизм и задачи психотерапии». Симптоматично, что в качестве канвы собственных размышлений на этот раз он избрал постмодернизм. Как и любая форма скептицизма, постмодернизм разрушает догмы. Демонстрируя их противоречивость, выворачивая их наизнанку, играя с ними и поднимая их на смех, он выполняет великую миссию освобождения сознания от диктатуры истин в последней инстанции. Скептицизм сеет семена сомнения и тем пробуждает мышление. Что же касается эффекта терапии такого рода, то лучше Эпикура о нем не скажешь:

«Кто, по-твоему, выше человека, который и о богах мыслит благочестиво, и от страха перед смертью совершенно свободен, который размышлением постиг конечную цель природы, понял, что высшее благо исполнимо и достижимо, а высшее зло или недолго, или нетяжко, который смеется над судьбою, кем-то именуемой владычицей всего, и вместо этого утверждает, что иное происходит от неизбежности, иное по случаю, а иное зависит от нас...» (Диоген Лаэртский, 1986, с.405).

* В том числе различных биологических аномалий – болезней, органических дефектов, препятствующих включению человека в мир культуры и социального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т.4.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1986.
Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?» // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т.6.
Конфуций. Лунь Юй // Мудрецы Поднебесной. Симферополь, 1998.
Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
Чанышев А.Н. начало философии. М., 1982.
Шекспир В. Трагедии. М., 1951.